



Оралова Евгения Джанатовна,
*старший преподаватель кафедры международного права
и международных отношений
Казахского гуманитарно-юридического университета,
магистр юридических наук, докторант Ph.D*

О КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение

В теории международного публичного права концепция международных обязательств и проблема их классификации не получили должного освещения и до сих пор нуждаются в более детальном рассмотрении. Так, отдельные аспекты данной проблематики рассмотрены Р. Аго, Дж. Кроуфордом, Р. Вольфрумом, Ф. Готье, П.-М. Дюпюи и некоторыми другими учеными. Однако вопрос о классификации обязательств в международном праве нельзя рассматривать исключительно как теоретический. Классифицировать международные обязательства, в частности в сфере космической деятельности, может быть полезно для определения порядка их реализации, а также применительно к вопросу международно-правовой ответственности в случае их нарушения.

Международные обязательства, в том числе и в сфере космической деятельности, можно классифицировать по различным основаниям и критериям. В первую очередь, обязательства классифицируются по источникам, их содержащим: договорные, обычные, институциональные обязательства и обязательства, содержащиеся в односторонних декларациях и заявлениях. Также обязательства делят на обязательства действия и воздержания от действия, достаточно часто называемые позитивными и негативными соответственно. Существуют и другие классификации.

При написании статьи мы не ставили целью рассмотреть все классификации международных обязательств, существующие в теории международного публичного права. Целью статьи является анализ лишь некоторых видов международных обязательств, возникающих в

сфере космической деятельности, которые, по нашему мнению, представляют наибольший интерес.

I. Обязательства поведения и обязательства результата

Часто используемой, но в то же время весьма сложной и противоречивой, является классификация, предложенная Специальным Докладчиком Комиссии международного права ООН Роберто Аго в Шестом отчете об ответственности государств. Суть данной классификации сводится к тому, что необходимо различать обязательства, требующие от государства держаться определенной линии поведения, будь то действие или воздержание от действия, - «обязательства поведения», и обязательства, возлагающие на государство обязанность достичь конкретный результат, но оставляющие государству право самостоятельно выбирать способы и средства, с помощью которых этот результат будет достигнут, - «обязательства результата» [1]. Дж. Кроуфорд отмечает, что различие между обязательствами поведения и обязательствами результата берет начало во внутригосударственном праве, в частности в правовых системах континентальной (романо-германской) правовой семьи [2, с. 375].

Р. Аго предложил включить в Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее - Проект) статьи, посвященные нарушению международных обязательств поведения и международных обязательств результата. В соответствии со статьей 20 Проекта нарушение обязательства поведения существует уже в тот момент, когда государство выбирает иной курс поведения, чем тот, что требует от него обязательство [1]. В то же время данная статья относится не ко всем

обязательствам поведения, а только лишь к тем, которые требуют придерживаться конкретного поведения, не оставляя государствам права принимать меры по своему усмотрению [2, с. 376]. В свою очередь нарушение обязательства результата согласно статье 21 возникает лишь в случае, когда требуемый результат не достигнут [1], хотя государствам предоставляется право самостоятельно выбирать меры для достижения данного результата [3, с. 855].

Следует отметить, что предложенная Р. Аго концепция подверглась значительной критике, а статьи так и не вошли в окончательный Проект, одобренный резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2001 году [2, с. 376], во многом по причине их жесткости, неподвижности и противоречивости [4, с. 377]. Применяя классификацию Р. Аго, иногда бывает сложно определить, относятся ли конкретные обязательства к обязательствам поведения или результата. Примером этому могут служить отдельные положения статьи IX Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (далее - Договор по космосу), которые звучат следующим образом: «<...> Государства-участники Договора осуществляют изучение и исследование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, таким образом, чтобы избежать их вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды вследствие доставки внеземного вещества, и с этой целью, в случае необходимости, принимают соответствующие меры <...>» [5, с. 95]. В данном случае, применяя концепцию Р. Аго, не совсем ясно к какому типу относится указанное выше обязательство, поскольку оно включает в себя характеристики как первого (требование предпринять меры), так и второго (наличие цели – избежать вредного загрязнения космического пространства).

Принимая во внимание данное обстоятельство, некоторые ученые попытались усовершенствовать данную классификацию, полагая, что она имеет практическое значение. Так, П.-М. Дюпюи предложил вернуться к истокам классической концепции в гражданском праве континентальной правовой семьи. По его мнению, обязательства результата предполагают гарантию достижения определенного результата, в то время как обязательства поведения следует рассматривать как обязательство «максимального усилия» (best effort obligations),

то есть обязательство предпринять все, что в его власти для достижения результата, но без требования его достичь [4, с. 378]. Такой подход, на наш взгляд, несколько упрощает концепцию Р. Аго и делает ее более гибкой. Применяя концепцию классического понимания обязательств поведения и обязательств результата, рассмотренные выше положения Договора по космосу содержат обязательство поведения: государства-участники должны исследовать и использовать космическое пространство таким образом и предпринять необходимые меры для того, чтобы избежать его вредного загрязнения, в то же время не предполагая безусловную гарантию того, что космическое пространство избежит такого загрязнения.

Рассматривая международные обязательства поведения и результата, нельзя не отметить их характерные особенности, непосредственно влияющие на их реализацию субъектами международного права. В труде «Право международной ответственности» под редакцией Дж. Кроуфорда отмечается, что обязательства поведения являются более гибкими и их легче выполнять, нежели обязательства результата [2, с. 375]. Следует отметить справедливость данного замечания. Очевидно, что субъекту легче следовать определенному курсу поведения, чем быть обязанным достичь конкретный результат.

Вторым немаловажным аспектом, касающимся характеристики двух видов обязательств является тот факт, что нарушение обязательства результата доказать намного легче, нежели нарушение обязательства поведения. В первом случае потерпевшее государство должно лишь доказать тот факт, что результат, достижение которого требует обязательство, не был достигнут государством, на которое оно было возложено, то есть, как отмечает Р. Вольфрум, «сравнить предполагаемый результат с фактической ситуацией в момент, когда результат должен был быть достигнут или событие произошло» [6, с. 371]. Так, обязательства результата содержатся в первом абзаце статьи IV Договора по космосу, согласно которому государства-участники обязуются: 1) «не выводить на орбиту Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения», 2) «не устанавливать такое оружие на небесных телах», 3) «не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом» [5, с. 93]. Все эти обязательства по своему характеру являются негативными, то есть обязательствами воздержания от действия.

Как отмечает Дж. Кроуфорд, все негативные обязательства «принадлежат к категории обязательств результата» [2, с. 378].

В случае же нарушения обязательства поведения потерпевшее государство должно доказать: во-первых, наличие ущерба; во-вторых, отсутствие или недостаток старания со стороны государства по исполнению возложенного на него обязательства; в-третьих, причинно-следственную связь между двумя этими элементами [2, с. 377]. Так, например, пункт 2 статьи 5 Соглашения о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (далее – Соглашение о спасании) содержит обязательство Договаривающейся Стороны, «которая осуществляет юрисдикцию над территорией, на которой обнаружен космический объект или его составные части, по просьбе властей, осуществивших запуск», принимать такие меры, которые «она сочтет практически осуществимыми для спасания этого объекта или его составных частей» [7, с. 100]. Анализ данной статьи позволяет прийти к выводу, что данное обязательство относится к категории *best effort obligations*, то есть обязательств поведения, поскольку на договаривающейся стороне лежит обязанность лишь предпринять меры по спасанию космического объекта, но не обязанность спасти его во что бы то ни стало. Мнения о том, что данное положение не требует от договаривающегося государства «выйти за пределы его возможностей», придерживаются многие ученые в области международного права [8, с. 52].

II. Двусторонние обязательства и обязательства *erga omnes*

Еще одним весьма важным с точки зрения правоприменения и отношений международно-правовой ответственности является деление международных обязательств на обязательства, порождающие двусторонние отношения, и обязательства перед международным сообществом в целом (или обязательства *erga omnes*).

Для понимания различия между этими двумя видами международных обязательств необходимо обратиться к решению Международного Суда ООН по делу о компании «Барселона Трэкшн» (Бельгия против Испании). В данном решении Международный Суд отметил, что «существенное различие должно быть проведено между обязательствами государств перед международным сообществом

в целом и теми, что возникают в отношении другого государства в сфере дипломатической защиты». Применительно к первому виду Суд применил термин обязательства *erga omnes*. Суд также определил, что обязательства перед международным сообществом в целом по своей природе затрагивают все государства, которые должны рассматриваться «как имеющие правовой интерес в их защите» [9]. Таким образом, в основе данной классификации лежит правовой интерес в защите права и противопоставленного ему обязательства, вернее то, кому принадлежит такой интерес – конкретному государству или же международному сообществу в целом и каждому его члену. В первом случае речь идет о так называемых двусторонних обязательствах, во втором – об обязательствах *erga omnes*.

Как отмечает Л.А. Сицилианос, значительное количество международных обязательств создает «строгие двусторонние отношения» и соответственно большинство отношений международно-правовой ответственности являются также двусторонними. Ученый также определяет, что источниками двусторонних отношений могут быть «двусторонний обычай», двусторонний договор, а также «одностороннее обещание, адресованное одному государству» [10, с. 1133]. В качестве примеров можно привести множество соглашений Республики Казахстан (далее – РК), заключенных в сфере космической деятельности. Среди них Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством РК и Правительством Российской Федерации (далее – РФ) от 10 декабря 1994 года, Соглашение между Правительством РК и Правительством РФ о создании на космодроме «Байконур» космического ракетного комплекса «Байтерек» от 22 декабря 2004 года и многие другие. Также двусторонние обязательства могут также создаваться многосторонними конвенциями, участниками которых является три и более государств [11, с. 116]. Примером многостороннего договора, порождающего двусторонние обязательства в сфере космической деятельности, является Соглашение о спасании. Так, многие нормы данного Соглашения создают обязательства между договаривающейся стороной, на территории которой совершил посадку космический объект, и «властями, осуществившими запуск», например, обязательство возвратить экипаж космического корабля, принять меры для спасения космического объекта и его составных частей, а также возвратить космический объект и его

составные части [7, с. 100].

Переходя к рассмотрению обязательств *erga omnes*, нельзя не отметить их характерные особенности. Цитируя М. Рагацци, И.И. Лукашук отмечает два характерных признака международных обязательств *erga omnes*: универсальность (обязательность для всех государств международного сообщества без исключения) и солидарность (наличие правового интереса в защите данных обязательств у каждого государства) [12, с. 146]. Принимая во внимание первый признак, следует сделать вывод о том, что источником обязательств *erga omnes* является международный обычай, также характеризующийся универсальностью, общностью. Второй же признак, по нашему мнению, является квалифицирующим, отличающим обязательства *erga omnes* от обычных обязательств, создающих двусторонние отношения.

По нашему мнению, не вызывает сомнения тот факт, что некоторые обязательства в сфере космической деятельности имеют характер обязательств в отношении международного сообщества в целом, принимая во внимание «общую заинтересованность всего человечества в прогрессе исследования и использования космического пространства в мирных целях». Так, еще М. Ляхс отмечал, что некоторые обязательства в сфере космической деятельности имеют «общий характер», являются обязательствами *erga omnes* [13, с. 105]. Р. Джакху также считает, что «глобальный общественный интерес в космическом пространстве налагает международные обязательства *erga omnes*», соблюдение которых обеспечивается всеми государствами. В качестве примеров таких обязательств ученый приводит обязательство сотрудничать в сфере исследования и использования космического пространства, обязательство по предотвращению вредного загрязнения космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, обязательство не выводить на орбиту Земли любые объекты с ядерным оружием или любыми другими видами оружия массового уничтожения и некоторые другие [14]. Р. Абейратне в своей книге «Space Security Law» идет дальше, отмечая, что положение, содержащееся в первом абзаце статьи I Договора по космосу, не только создает обязательство *erga omnes*, но и является императивной нормой общего международного права *jus cogens* [15, с. 88].

Важно отметить, что концепция деления

международных обязательств на двусторонние и обязательства перед международным сообществом в целом нашла свое отражение в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния, являющихся приложением к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/589 от 12 декабря 2001 года, в частности в статьях, посвященных призыванию к ответственности. Статьи об ответственности различают ситуации призывания к ответственности потерпевшим государством и государством, иным, чем потерпевшее. Так, согласно пункту b статьи 48 любое государство, иное, чем потерпевшее, может призвать к ответственности другое государство, «если нарушенное обязательство является обязательством в отношении международного сообщества в целом» [16].

III. Самоисполнимые и несамоисполнимые обязательства

Одной из наиболее важных задач в решении вопроса о порядке соблюдения международных обязательств в сфере космической деятельности, в особенности о порядке их реализации в национальной правовой системе, является отнесение международных обязательств к самоисполнимым (*self-executing*) и несамоисполнимым (*non-self-executing*).

Термин «самоисполнимость» зачастую применяется по отношению к международным договорам, хотя нам представляется это не совсем верным. Как отмечает А.И. Сырец, один и тот же договор может содержать как самоисполнимые, так и несамоисполнимые нормы [17, с.122], поэтому правильнее будет говорить о самоисполнимых нормах и обязательствах.

Самоисполнимость международной нормы, содержащей конкретное обязательство, определяется, в первую очередь, возможностью его непосредственного применения как на международном уровне, так и во внутригосударственном правопорядке, а также способностью регулировать отношения субъектов национального права. У. Бернам отмечает, что международный договор не обладает самостоятельной исполнительной силой, если для реализации его положений необходимо принять внутригосударственный закон в соответствии с конституционными процедурами [18, с. 1052]. Так, положения Договора по космосу, создающие такие обязательства, как, например, запрет присвоения космического пространства, не требуют

каких-либо дополнительных законодательных мер и потому являются самоисполнимыми [19, с. 77]. В свою очередь, реализация обязательств, содержащиеся в статье VI того же Договора по космосу, согласно которой космическая деятельность неправительственных юридических лиц «должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства-участника Договора» [5, с. 94], однозначно невозможна без принятия соответствующих законодательных мер, что делает их несамоисполнимыми.

Как отмечает И.И. Лукашук, международное право не решает вопрос о непосредственном применении договора на территории государства, а устанавливает обязанность государства обеспечить его применение на всей территории [20, с. 47]. Таким образом, отнесение международных обязательств к категории самоисполнимых или несамоисполнимых в первую очередь зависит от конкретной национальной правовой системы, определяющей место обязательств в этой системе и внутригосударственный порядок их реализации. Так, Конституция Республики Казахстан в пункте 3 статьи 4 определяет, что ратифицированные международные договоры «имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона» [21]. Таким образом, Конституция признает возможность наличия у международного договора самостоятельной исполнительной силы.

Несмотря на тот факт, что определение порядка исполнения международных норм во внутригосударственном правопорядке является прерогативой конкретного государства, тем не менее, положения договора также могут играть немаловажную роль в установлении необходимости принятия национального законодательного акта. Как отмечает Б.И. Осминин, решение вопроса о самоисполнимости или несамоисполнимости международных норм определяется тем, «требуют ли условия договора от государства каких-либо дополнительных мер законодательного или административного характера для реализации международных договорных обязательств». Ученый также пишет о том, что международные договоры, определенно предусматривающие «необходимость принятия имплементационного законодательства», не являются самоисполнимыми [22, с. 264]. Так, некоторые договоры содержат положения,

предписывающие обеспечить их выполнение изданием внутригосударственного акта или принятием определенных административных мер. В качестве примера следует привести пункт 1 статьи II Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, согласно которому государство, запускающее космический объект, «регистрирует его путем записи в соответствующий регистр, который им ведется», а также «информирует Генерального Секретаря ООН об учреждении такого регистра». Пункт 3 той же статьи содержит положение, согласно которому «содержание каждого регистра и условия его ведения определяются соответствующим государством регистрации» [23, с. 113]. Очевидно, что указанные выше положения требуют принятия внутригосударственного акта, учреждающего национальный регистр и определяющего условия его содержания и ведения. Таким образом, указанные обязательства не являются самоисполнимыми. Республика Казахстан вербальной нотой от 20 февраля 2012 года также уведомила Генерального Секретаря об учреждении такого регистра еще в 2006 году [8, с. 267]. Важно отметить, что правовой основой для ведения данного регистра является постановление Правительства Республики Казахстан от 29 мая 2007 года №438 «Вопросы Национального космического агентства Республики Казахстан», Закона Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 528-IV «О космической деятельности», а также постановление Правительства Республики Казахстан от 27 августа 2012 года №1090 «Об утверждении Правил государственной регистрации космических объектов и прав на них и формы регистра космических объектов».

Таким образом, решение вопроса о том, являются ли те или иные международные обязательства, в том числе и в сфере космической деятельности, самоисполнимыми или несамоисполнимыми, зависит от признания конкретной национальной правовой системой возможности непосредственного применения положений договора, уровня законодательства данного государства, а также от содержания конкретного международного обязательства.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы относительно классификации международных обязательств, в том числе и тех, которые возлагаются на государства в сфере исследования и использования космического пространства. Республика Казахстан как член

международного сообщества, взяв на себя определенные международные обязательства, должна быть готова их соблюдать. Очевидно, что вид международного обязательства может многое сказать о том, каков порядок и особенности его реализации: требует ли обязательство достичь однозначный результат или же данное обязательство относится к категории *best effort obligation*; необходимо ли для его реализации принять законодательные и административные меры или же обязательство является самоисполнимым. Проблематика

классификации международных обязательств также тесным образом связана с вопросами международно-правовой ответственности. Отнесение конкретного обязательства к двустороннему или же к категории обязательств *erga omnes* будет иметь существенное значение для решения вопроса о призывании к ответственности в случае его нарушения. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что вид международного обязательства является одним из элементов, определяющих его правовой характер.

Список литературы

1. Year book of International Law Commission, 1977, vol. II // Официальный ресурс Организации Объединенных Наций, код доступа: [http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes\(e\)/ILC_1977_v2_p2_e.pdf](http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/Ybkvolumes(e)/ILC_1977_v2_p2_e.pdf)
2. The Law of International Responsibility. Edited by James Crawford, Alain Pellet, and Simon. Olleson. Oxford, New York: Oxford University Press, 2010, 1364 p.
3. Gautier P. On the Classification of Obligations in International Law // Coexistence, cooperation and solidarity: *liber amicorum* Rudiger Wolfrum / edited by Holger Hestermeyer... [etal.], Martinus Nijhoff Publishers, Leiden-Boston, 2012, 854-879 pp.
4. Dupuy P-M. Reviewing the Difficulties of Codification: on Ago's Classification of Obligations of Means and Obligations of Result in Relation to State Responsibility // EJIL (1999), Vol.10, No.2, 371-385 pp.
5. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Сборник международных договоров и нормативных правовых актов Республики Казахстан в области аэрокосмической деятельности. Выпуск 2, Алматы, 2003, 126 с.
6. Wolfrum R. Obligation of Result Versus Obligation of Conduct: Some Thoughts About the Implementation of International Obligations, in: M. Arsanjani et al. (eds.), Looking to the Future: Essays on International Law in Honor of W. Michael Reisman, 2010, 363-383 pp.
7. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство // Сборник международных договоров и нормативных правовых актов Республики Казахстан в области аэрокосмической деятельности. Выпуск 2, Алматы, 2003, 126 с.
8. Cologne commentary on space law: Rescue agreement; Liability convention; Registration convention; Moon agreement / ed. by Stephan Hobe, Bernhard Schmidt-Tedd, Kai-Uwe Schrogl, Heymann, 2013, 447 p.
9. Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain), Judgment of 5 February 1970 // Официальный интернет-ресурс Международного Суда ООН, код доступа: <http://www.icj-cij.org/docket/files/50/5387.pdf>
10. Sicilianos L-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // EJIL (2002), Vol.13 №5, 1127-1145 pp.
11. Коптева Е.А. Классификация международных обязательств // Евразийская адвокатура №1 (2) 2013, сс.114-117.
12. Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук - Изд. 3-е, перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 432 с.
13. The Law of Outer Space: an Experience in Contemporary Law-Making, by Manfred Lachs. Edited by Tanja Masson-Zwaan, Stephan Hobe. Martinus Nijhoff Publishers, 2010, 182 p.
14. Ram Jachu. Legal Issues Relating to the Global Public Interest in Outer Space. October 2005 // <http://www.cissm.umd.edu/papers/files/jakhu.pdf>

15. Space Security Law. Ruwantissa Abeyratne. Springer, 2011, 178 p.

16. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 года. Ответственность государств за международно-противоправные деяния // Официальный интернет-ресурс Организации Объединенных Наций, код доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/477/99/PDF/N0147799.pdf?OpenElement>

17. Сырец А.И. Самоисполнимые договоры и внутреннее право // Веснік БДУ Серия 3 №2, 2006, с. 121-125.

18. Правовая система США. Уильям Бернам. 3-й выпуск. – М.: «Новая юстиция», 2006. – 1216 с.

19. Legal Basis for a National Space Legislation. Julian Hermida, Springer, 2004, 273 p.

20. Современное право международных договоров. Т. II. Действие международных договоров: в 2 т. / И.И. Лукашук; Рос. Акад. Наук, Ин-т государства и права. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 496 с.

21. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // Официальный интернет-ресурс, код доступа: <http://www.constitution.kz/razdel1/>

22. Осминин Б.И. Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право. – М.; Берлин: Инфротропик Медиа, 2010. – 383 с.

23. Конвенция о регистрации космических объектов, запускаемых в космическое пространство // Сборник международных договоров и нормативных правовых актов Республики Казахстан в области аэрокосмической деятельности. Выпуск 2, Алматы, 2003, 126 с.



Мақала ғарыштық қызмет саласындағы халықаралық міндеттемелер түрлерін талдау және қарастыруға арналған. Сонын ішінде, автор ғарыштық қызметте халықаралық міндеттемелер түрлерінің нәтиже міндеттемелерін және тәртіп міндеттемелерін, екіжақты міндеттемелер және erga omnes міндеттемелері, дербес орындау күшімен және дербес орындау күшсіз міндеттемелер түрлеріне талдау жүргізген. Мақалада автор халықаралық міндеттемелер онын іске асуын анықтайды және халықаралық-құқықтық жауапкершілік сұрақтарымен тығыз байланысты екендігін атап өткен.

Түйін сөздер: халықаралық міндеттемелер, ғарыштық қызметі, нәтиже міндеттемелерін, тәртіп міндеттемелерін, erga omnes міндеттемелері, дербес орындау күшімен және дербес орындау күшсіз міндеттемелер, орындау, халықаралық-құқықтық жауапкершілік.

Статья посвящена рассмотрению и анализу видов международных обязательств в сфере космической деятельности. В частности, автором проанализированы такие виды международных обязательств в сфере космической деятельности, как обязательства поведения и обязательства результата, двусторонние обязательства и обязательства erga omnes, самоисполнимые и несамоисполнимые обязательства. В статье автор отмечает, что вид международного обязательства во многом определяет порядок его реализации и тесным образом связан с вопросами международно-правовой ответственности.

Ключевые слова: международные обязательства, космическая деятельность, обязательства поведения, обязательства результата, обязательства erga omnes, самоисполнимые обязательства, несамоисполнимые обязательства, реализация, международно-правовая ответственность.

The article considers and analyzes the types of international obligations in the field of space activities. In particular, the author has analyzed such types of international obligations in the field of space activities as obligations of conduct and obligations of result, bilateral obligations and obligations erga omnes, self-executing and non-self-executing obligations. The author notes that the type of international obligation largely determines its implementation order and it is closely linked to the issues of international legal responsibility.

Keywords: international obligations, obligations of conduct, obligations of result, obligations erga omnes, self-executing obligations, non-self-executing obligations, implementation, international legal responsibility

Евгения Джанатовна Оралова,

Қазақ гуманитарлық заң университеті Халықаралық құқық және халықаралық қатынастар кафедрасының аға оқытушысы, заң ғылымдарының магистрі, Ph.D докторанты

Ғарыштық қызмет саласындағы халықаралық міндеттемелердің жіктелуі туралы

Оралова Евгения Джанатовна,

старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Казахского гуманитарно-юридического университета, магистр юридических наук, докторант Ph.D

О классификации международных обязательств в сфере космической деятельности

Oralova Yevgeniya Dzhanatovna,

Kazakh Humanities and Law University International Law and International Relations Department, Senior Lecturer, LL.M, Ph.D student

On the classification of international obligations in the field of space activities

